

ФОРМИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ЧЕРЕЗ КУЛЬТУРНУЮ ИНТЕГРАЦИЮ

Фидарова Фатима Казантемировна

Кандидат культурологии, доцент, Московский
государственный университет имени М.В. Ломоносова
fidarova@inbox.ru

FORMATION OF INDIVIDUALITY THROUGH CULTURAL INTEGRATION

F. Fidarova

Summary: This article examines the cultural concept of “happiness” as a mechanism for the formation of individuality through cultural integration in Goethe, Schiller, Tolstoy in the context of the perception of the concept of Schopenhauer’s diatetics.

The relevance of this topic is dictated by the modern crisis of cultural and national identity in Germany, in which the concepts of “family” and “family values” are in a state of cultural crisis. However, the meaning of human existence in any cultural system remains the individual’s desire for happiness.

Keywords: happiness, diatetics, cultural transformation, individuality, family happiness.

Аннотация: В данной статье рассматривается культурологическое понятие «счастье» как механизм для формирования индивидуальности через культурную интеграцию у Гёте, Шиллера, Толстого в контексте восприятия понятия диатетики Шопенгауэра.

Актуальность данной темы продиктована современным кризисом культурной и национальной идентичности личности в Германии, в котором понятия „семья“ и „семейные ценности“ находятся в состоянии культурного перелома. Однако смыслом человеческого существования в любой культурной системе остается стремление личности к счастью.

Ключевые слова: счастье, диатетика, культурная трансформация, индивидуальность, семейное счастье.

Стало привычным говорить о культурной интеграции мигрантов в культуру в Германии, однако из виду упускается важный культурологический вопрос, благодаря которому личность вливается в культурное пространство своей же страны. Это проблема личности, которая должна сделать выбор из существующих культурных идеалов своего социального окружения. Здесь воля личности в выборе играет большую роль, однако для конкретного культурного идеала необходимо благосостояние, т.е. личность должна трудиться.

Основной смысл человеческого существования в любой культурной системе – это вечное стремление к счастью.

Рассматривая процесс формирования индивидуальности в контексте культурной интеграции необходимо выделить два существенных момента. Во-первых, процесс формирования индивидуальности главным образом связан с опытом взаимодействия с собственной волей. Во-вторых, культура является главным фактором, которая управляет личным опытом человека. Следовательно, личность обязана подчиниться определенным идеалам и морально-практическим установкам конкретной культуры, т.е., которые конкретная культурная система считает актуальными. В этом контексте для личности для удачной интеграции в культурную среду выстраиваются следующие компоненты: счастье, диатетика, семейное счастье, любовь, слава, почести.

Попробуем рассмотреть указанные выше составляющие, необходимые для формирования индивидуальности, в основном культурном компоненте культуры – в немецкой литературе и поэзии.

Вертер Гёте осознает и четко выражает, что в культуре конкретного общества существует канон поведения и, следовательно, люди обречены следовать ему: «Много можно сказать в пользу установленных правил в (искусстве), примерно то же, что говорят в похвалу общественному порядку. Человек, воспитанный на правилах, никогда не создаст ничего безвкусного и негодного, как человек, позволяющий сформировать себя согласно законам и порядкам общежития, никогда не будет несносным соседом или интересным злодеем. Зато, чтобы мне ни говорили, всякие правила убивают подлинное чувство природы и способность правдиво изображать ее!» [Гёте, 2007: 29].

Вертер болезненно реагирует на свое же выражение «позволяющий сформировать себя», в этом для него скрыто отчетливое вторжение в его личное пространство, при этом ему навязывают определенную модель поведения из конкретной культурной системы.

Разумеется, Вертер понимает, что личности необходимо выбирать определенные идеалы из конкретной культуры, иначе общество не признает тебя. Наиболее наглядно это можно почувствовать на примере идеала благосостояния. Без состояния, увы, личность не мо-

жет прикоснуться к культурным и социальным идеалам общества. Право пользоваться этими идеалами Вертер считает утратой своей личности: «Мои деятельные силы разладились, и я пребываю в какой-то тревожной апатии, не могу сидеть сложа руки, но и делать ничего не могу. У меня больше нет ни творческого воображения, ни любви к природе, и книги противны мне. Когда мы потеряли себя, все для нас потеряно» [Гёте, 2007: 67].

Вертер осознает необходимость культурной трансформации личности согласно законам культурной системы, в которой он живет, но «предчувствуя мрачное будущее» ему трудно принять это [Гёте, 2007: 66].

Следовательно, Вертеру необходимо воспользоваться диететикой. Согласно определению Шопенгауэра, диететика является учением о том, «что подобно тому, как следует закалять свое тело, приучая его сопротивляться непогоде, лишениям и перегрузкам, следует закалять и свою душу, чтобы сделать ее нечувствительной к несчастью, опасностям, утратам, несправедливости, коварству, предательству, высокомерию и глупости человеческой» [Шопенгауэр, 2007: 105].

Однако Вертер исключает для себя механизмы диететики, поскольку они являются угрозой для его большой любви: «Представь себе юношу, который всем сердцем привязан к девушке, проводит подле нее целые дни, растрачивает все силы, все состояние, чтобы каждый миг доказывать ей, как беззаветно ей предан. И вдруг появляется некий филистер, чиновник, занимающий видную должность, и говорит влюбленному: «Милый юноша! Любить свойственно человеку, но надо любить по-человечески! Умейте распределять свое время: положенные часы посвящайте работе, а часы досуга – любимой девушке. Сосчитайте свое состояние, и на то, что останется от насущных нужд, вам не возбраняется делать ей подарки, только не часто, а так, скажем, к рождению, к именинам» и т.д. Если юноша послушается, из него выйдет дельный молодой человек, и я первый порекомендую всякому государю назначить его в коллегию, но тогда любви его придет конец, а если он художник, то конец и его искусству» [Гёте, 2007: 29-30].

Социокультурная система, окружающая личность, действует в тесной связи с определенными подсистемами – деньги, почести, слава. Однако для Вертера основная ценность его личности – это его собственное Я. Остальные социокультурные подсистемы он пытается отвергнуть: «И не все ли равно в конце концов, что перебирать: горох или чечевицу. Все на свете самообман, и глуп тот, кто в угоду другим, а не по собственному призванию и тяготению трудится ради денег, почестей или чего-нибудь еще» [Гёте, 2007: 54].

Для сохранения своей индивидуальности Вертер Гёте

настойчиво рекомендует личности рецепт благоденствия, следовательно, счастья: «Человеку нужно немного земли, чтобы благоденствовать на ней, и еще меньше, чтобы в ней покоиться» [Гёте, 2007: 88].

Вертер невольно призывает личность не слишком надеяться на свои надежды и полагает, что это не только его удел: «Всем людям изменяют надежды, всех обманывают ожидания» [Гёте, 2007: 90].

Счастье и несчастье для Вертера заключается в любимой Лотте. «Порой мне непонятно, как может и смеет другой любить ее, когда я так безраздельно, так глубоко, так полно ее люблю, ничего не знаю, не ведаю и не имею, кроме нее!» [Гёте, 2007: 91].

Хотя, как было выше сказано, Вертер отвергает для себя принцип диететики, тем не менее он готов страдать и лишать себя счастья: «Выстрадать всю положенную ему меру, испить всю чашу до дна – таков удел человека» [Гёте, 2007: 101].

Однако есть земное счастье для Вертера: «Едва я взгляну в ее черные глаза, как мне уже хорошо. И понимаешь, что мне досадно, – Альберт, по-видимому, не так счастлив, как он... надеялся, а я... был бы счастлив, если бы... Я не люблю многоточий, но тут иначе выразиться не могу и выражаюсь, по-моему, достаточно понятно» [Гёте, 2007: 96].

Таким образом, следование правилам своей социокультурной системы для Вертера тягостно, хотя и понятно. «Правила, как и культуры, не являются ни совершенно случайными, ни жестко детерминированными, то есть и правила, и культуры подразумевают идею свободы» [Иглтон, 2012: 12].

Однако «тот, кто полностью освобожден от культурных условностей, не более свободен, чем тот, кто является их рабом» [Иглтон, 2012: 12].

Да, есть надежда на лучшее, на счастье, ведь «человек по природе своей захватчик!» Гёте, 2007: 99].

Фауст указывает личности быть смелее при выборе культурных идеалов:

Но дальновидный риска не боится
И в безграничность верит без границы [Гёте, 2007: 386].

Но и вера Гёте в то, что страдания от горя – это путь к новой ступени счастья, вселяет в личность надежду и позволяет игнорировать диететику своей культурной системы:

Бояться горя – счастья не знать [Гёте, 2007: 255].

Как было сказано выше, выбор правил из своей культурной системы подразумевает и определенную свободу:

Кто ищет, вынужден блуждать [Гёте, 2007: 153].

Согласно Фаусту Гёте, личность должна неустанно работать над собой, опираясь при этом на свой собственный опыт:

Ключ мудрости не на страницах книг.
Кто к тайнам жизни рвется мыслью каждой,
В своей душе находит их родник [Гёте, 2007: 162].

Совершенно очевидно, что Гёте указывает личности прямой, но все же достаточно трудный путь для развития своей индивидуальности.

На этом пути совершенствования своей индивидуальности для личности большого значения имеет владение словом:

Но много значит дикция и слог [Гёте, 2007: 162].

Фауст знает рецепт для развития индивидуальности в определенной культуре, что является также основой для достижения успеха:

Учитесь честно достигать успеха
И привлекать благодаря уму.
А побрякушки, гулкие, как эхо,
Подделка и не нужны никому.
Когда всерьез владеет что-то вами,
Не станете вы гнаться за словами,
А рассужденья, полные прикрас,
Чем обороты ярче и цветистей,
Наводят скуку, как в осенний час
Вой ветра, обрывающего листья [Гёте, 2007: 162].

Таким образом, развитие индивидуальности в определенной культурной системе для Гёте содержит в себе и предполагает полное развитие способностей и талантов личности, поскольку этого требует ее социокультурная среда. Поскольку через такое облагораживающее саморазвитие и самовоспитание личность получает твердую опору в обществе. При этом Гёте предлагает два подхода: во-первых, не бояться рисковать, поскольку именно риск ведет личность к успеху, следовательно, к счастью; во-вторых, личность должна себя ограничивать при стремлении к достижению счастья. Очевидно, что культурологическое понятие счастье, несмотря на „безграничность границ“, для Гёте имеет свои границы, поскольку личность даже блуждая в поисках опыта и знаний должна овладеть к определенному сроку определенным опытом знаний, необходимых для ее культурной системы.

В этом контексте необходимо выделить призыв Фауста Гёте «честно достигать успеха», поскольку современный кризис социальной и культурной идентичности

личности в Германии предполагает внутреннюю противоречивость.

Шиллер, погружая личность в мир счастья, указывает на божественное предопределение этого понятия в стихотворении «Счастье»:

Блажен, кто, богами еще до рожденья любимый,
На сладостном лоне Киприды взлелеян младенцем,
Кто очи от Феба, от Гермеса дар убеждения принял,
А силы печать на чело от руки громовержца!
Великий, божественный жребий счастливец постигнул;
[Шиллер, 2012: 249].

Однако в стихотворении «Почести» Шиллер предостерегает личность о «временности» этого понятия:

Когда струится свет на лоно зыбких вод,
Волна как бы огнем и дышит, и сверкает,
Но быстрая река других за ней влечет,
Другая вслед за ней нам небо отражает.
Не так ли на земле, о смертный, счастья луч
Лишь временно тебя почетом облакает, –
Но стоит не дойти сиянью из-за туч
И весь случайный блеск мгновенно исчезает.
Не сами мы, – а место, где стоим,
Нас украшает отблеском своим [Шиллер, 2012: 123].

В стихотворении «Два пути добродетели» Шиллер проводит параллель между счастливым и несчастным, что, очевидно, также указывает на божественную предопределенность этих понятий:

Есть два пути, по которым идет к добродетели смертный;
Скрылся внезапно один, тотчас другой пред тобой:
Делом ее достигает счастливый, несчастный терпением,
Благо тому, кого рок к ней по обоим ведет [Шиллер, 2012: 126].

Разумеется, Шиллер расширяет границы познания счастья в культурном пространстве и раскрывает личности для формирования ее индивидуальности другие точки опоры счастья:

Счастлив тот, кому сиянье
Бытия сохранено –
Тот, кому вкусить дано
С милой родиной свиданье! [Шиллер, 2012: 318].

Шиллер дополняет проблему счастья аспектом семейных ценностей, признанные обществом:

Счастлив тот, чей дом украшен
Скромной верностью жены!
Жены алчут новизны:
Постоянный мир им страшен [Шиллер, 2012: 319].

Очень меткий культурологический образец семейно-

го счастья можно обнаружить и в русской литературе.

В романе «Семейное счастье» Л.Н. Толстой открывает нам грани семейного счастья через новое чувство любви, которое дарят дети. Молодая мама, любясь своим маленьким сыном, так описывает свое восторженное новое состояние: «Я взяла на руки ребенка, закрыла его оголившиеся красные ножонки, прижала его к себе и, чуть прикасаясь губами, поцеловала его. Он как во сне зашевелил ручонкою с растопыренными сморщенными пальцами и открыл мутные глазенки, как будто отыскивая или вспоминая что-то; вдруг эти глазенки остановились на мне, искра мысли блеснула в них, пухлые оттопыренные губки стали собираться и открылись в улыбку» [Толстой, 2005: 127].

Радость, охватившая маму ребенка, вселяла чувство полного семейного счастья: «Мой, мой, мой! – подумала я, с счастливым напряженьем во всех членах прижимая его к груди и с трудом удерживаясь от того, чтобы не сделать ему больно. И я стала целовать его холодные ножонки, животик и руки и чуть обросшую волосами головку» [Толстой, 2005: 127-128].

Семейное счастье с детьми приумножило и изменило ее любовь: «С этого дня кончился мой роман с мужем; старое чувство стало дорогим, невозвратимым воспоминанием, а новое чувство любви к детям и к отцу моих детей положило начало другой, но уже совершенно иначе счастливой жизни, которую я еще не прожила в настоящую минуту» [Толстой, 2005: 128].

Однако в немецком культурном пространстве XIX века можно столкнуться с удивительным противоречием, связанным с понятием „семья“.

Семья как основная ценность общества и государства именно немцами в XIX веке была возвращена на свое достойное место, когда индустриализация стала вытеснять это понятие из лексикона немцев, предлагая общественные увеселительные центры. Лучшие умы Германии того времени призывали к эмансипации „домашней“ женщины. В самой «литературе ничто так не игнорировалось как семья и ее интересы» [Riehl, 1855: 197].

Понятие „общительность“ все больше вытесняло понятие „домашний уют“ [Steinhausen, 1929: 61]. А некоторые прогрессивно настроенные круги немецкого общества даже избегали употреблять слово „семья“, заменяя его описательной формой «домашнее общество» [Kirschstein, 1937: 49].

Согласно Фрайбе, важнейшими понятиями становятся кофейни (Kaffeehäuser), эстетический чай (ästhetische Tees) и все то, что связано с общением [Freube, 1910: 5].

Развлекательный журнал по культуре для семейного чтения в Германии «die Gartenlaube» понял в 1852 году опасность такой тенденции, он смог вернуть слову „семья“ уважение благодаря своим романам, рассказам и статьям по культуре. Этот вид журнала стремился к тому, чтобы «осознанно содействовать гармоничной жизни семьи во всех отношениях» [Kirschstein, 1937: 129].

Ценность семьи в современном немецком политическом и культурном пространстве стала тем краеугольным камнем, который может изменить социальное и культурное противостояние между мигрантами и немцами.

Саррацин указывает на две угрозы для существования Германии: снижение ценности семьи и отсутствие патриотизма в немецком обществе [Саррацин, 2016: 10-11].

Многогранность понятия счастья в немецком культурном и политическом пространстве охватывает также отношение личности к своему отечеству и оказывает тем самым стойкое влияние на формирование индивидуальности.

Преданность отечеству также является для Шиллера важной стороной счастья:

Кто, на суд являсь кровавый,
Славно пал за отчий дом,
Тот, почтенный и врагом,
Будет жить в преданьях славы! [Шиллер, 2012: 320].

Как избежать страданий в час горя и разочарования:

Пей страданий утольенье!
Добрый Вакхов дар – вино:
И веселость, и забвеньё
Проливает в нас оно.

Пей, страдалница! Печали
Услаждаются вином:
Боги жалостные в нем
Подкрепленья сердцу дали

Если грудь вином согрета
И в устах вино кипит –
Скорби наши быстро мчит
Их смывающая Лета [Шиллер, 2012: 321].

Однако Шиллер указывает личности быть стойким и преодолевать жизненные невзгоды ради самой жизни:

Смертный, силе, нас гнетущей,
Покоряйся и терпи!
Спящий в гробе – мирно спи!
Жизнью пользуйся живущий! [Шиллер, 2012: 321].

Фауст Гёте тоже ставит ценность жизни, данную Бо-

гом, превыше всего:

Не умствуй о любви. Какой в том толк?
Живи. Хоть миг живи. Жить – это долг [Гёте, 2007: 520].

Но не согласен Шиллер с Фаустом Гёте, он хочет «умствовать» о любви в гимне «Торжество любви»:

Счастливы любовью
Боги! – не любовью ль
Мы равны богам?
С нею рай светлее;
С нею мир подлунный
Небом светит нам! [Шиллер, 2012: 54].

Зацикленность на прошлом, анализ негативного опыта заставляют личность страдать и лишают ее успешного контакта с социокультурной системой. Шиллер указывает как личности преодолеть эту неспособность вступить в успешный контакт с социокультурной системой и не страдать:

И если хочешь ты пройти свой жизни путь
Без горя и тоски, и мудро, и счастливо, –
Грядущему во мгле доверься прозорливо,
Судьбы не искушай, корысть одну забудь,
Не избирай в друзья летучего мгновенья
И бойся как врага в прошедшем осужденья! [Шиллер, 2012: 121].

Согласно Шиллеру, личность должна совершенствоваться:

Пространство без границ являет нам во всем
Такие же черты для думы и сравненья:
Как в даль бежит длина, так должен человек
Стремиться к лучшему, не зная прегражденья, –

Без усталы идти обязан ты вперед
На трудовом пути к пределам совершенства,
Как в ширь идет простор, так ты иди и верь,
Что расцветет в тебе мир правды и блаженства [Шиллер, 2012: 121].

Таким образом, согласно Шиллеру, «желаемое будущее должно быть осуществимым будущим» [Иглтон, 2012: 38].

Счастье и в чем оно заключается для Шопенгауэра является существенным культурным дополнением для формирования личности.

Шопенгауэр, рассуждая о том, что такое человек, раскрывает суть его индивидуальности. Согласно Шопенгауэру, «наше истинное «я» гораздо более обуславливает наше счастье, чем то, что мы имеем, или что мы собою представляем. Всегда самое важное – это то, что такое данный человек, что он имеет в себе самом; ведь его индивидуальность сопутствует ему всюду и всегда, придавая ту или иную окраску всему переживаемому» [Шо-

пенгауэр, 2011: 28].

Наше личное отношение к социальным и культурным проблемам является определяющим, следовательно, оно и защитит нас от чувства несчастья. «Поэтому и в счастье, и в горе, исключая разве случаи тяжелых бед, то, что случается с человеком в жизни, менее важно, чем то, как он воспринимает эти события – т.е. каковы способы и степень его восприимчивости во всех отношениях. То, что мы имеем в себе, – наша личность и подлинная ценность ее – является единственным непосредственным фактором нашего счастья и довольства» [Шопенгауэр, 2011: 28].

Шопенгауэр подсказывает личности и другие ценности, необходимые для ее практической деятельности и счастья. «Итак, субъективные блага, как-то: благородный характер, большие способности, счастливый, веселый нрав и вполне здоровое тело, – являются первым и важнейшим условием нашего счастья» [Шопенгауэр, 2011: 29].

Однако в этой иерархии ценностей духовное богатство личности для Шопенгауэра имеет также первостепенное значение. «Как счастливейшая страна та, которая нуждается лишь в малом ввозе, или совсем в нем не нуждается, – так и из людей счастлив будет тот, в ком много внутренних сокровищ, и кто для развлечения требует извне лишь немного или ничего» [Шопенгауэр, 2011: 47-48].

Шопенгауэр отчетливо показывает, что индивидуальность формируется в условиях личной свободы: «Предоставленные самими себе, мы вынуждены сами ковать и искать свое счастье» [Шопенгауэр, 2011: 48].

Великий культуролог XX века Хёйзинга дает нам убедительную характеристику влияния культуры на личность: «Отдельный человек, носитель культуры, которую он впитывает и с которой срастается за время от колыбели и до могилы, чаще всего не так уж и плох. По своей сути он таков, каким был всегда: незначителен и тщеславен, но и весьма проникателен, с некоторой склонностью к добру и чудовищным самомнением, и вовсе не редко порядочен, смел, честен и верен. Но вот как член некоей общности, коллектива он большей частью заметно хуже, ибо именно коллектив освобождает его от решений, подсказываемых собственной совестью. Ибо другие уже подумали за него, приняли решение и написали ему линию поведения. Чем более горячо почитает он свою общность, тем более неограниченно он ей служит и подчиняется, и тем легче он впадает в пороки, которые всем нам присущи: жестокость, нетерпимость, сентиментальность и наглость. Очень многое зависит от высоты и чистоты коллективного идеала, которым живет данная общность [Хёйзинга, 2010: 322].

Однако для Хёйзинга культура и личность формируют друг друга: «Если воспринимать культуру как живую действительность, то из этого почти само собой следует, что культура рождается именно в личности, и соответственно именно в личности сохраняет свое здоровье. Отсюда требование, чтобы тип общественной жизни был благоприятен для раскрытия личности и ее роста» [Хёйзинга, 2010: 323].

Хёйзинга не мыслит человека, сформировавшего свою индивидуальность в определенной культуре, без критического осмысления культурного и социального опыта. «Человек должен быть в состоянии занимать свою собственную позицию по отношению к миру» [Хёйзинга, 2010: 323].

Таким образом, личность как индивидуальность формируется в определенной культурной системе, выбирая необходимые культурные идеалы и преодолевая преграды в процессе культурного и морального самосовершенствования.

Ценностное и художественное осмысление роли формирования личности через культурную интеграцию актуально, поскольку совершенствуются ее опыт, знания и воля, без которых невозможно влиться в культурную систему своей страны. Индивидуальность, соприкасаясь с символической системой своей культуры, вынуждена активно действовать, выбирая и сохраняя вечные ценности для созидания, что так необходимо личности в современном кризисном культурно-политическом пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гёте И.В. Страдания юного Вертера. Фауст. Эксмо. М., 2007.
2. Иглтон Т. Идея культуры. Издательский дом Высшей школы экономики. М., 2012.
3. Саррацин Т. Германия: самоликвидация. М., 2010.
4. Хёйзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. СПб., 2010.
5. Шиллер Ф. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. М., 2012.
6. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. Астрель. М., 2011.
7. Толстой Л.Н. Семейное счастье. Издательство Мартин. М., 2005.
8. Freybe H. Das deutsche Haus und seine Sitte. Gütersloh, 1910.
9. Kirschstein E. Die Familienzeitschrift. Scharlottenburg, 1937.
10. Riehl W. H. Die Familie. Stuttgart, 1855.
11. Steinhausen W. Geschichte der deutschen Kultur. Т. 2. Leipzig, 1929.

© Фидарова Фатима Казантемировна (fidarova@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»